

грессъ, перенося его лишь въ *душу* человѣка, признавая его «начертаннымъ въ душѣ каждаго человѣка и только вслѣдствіе заблужденія переносящимся въ исторію...» (IV т. ст. «Прогрессъ и опредѣленіе образованія»).

Гр. Толстой оправдываетъ собою лишь слова Гейне: «Всякая эпоха думаетъ, что ея борьба самая важная. Такова вѣра времени. Въ этой вѣрѣ время живетъ и умираетъ...» Всякая философія есть, собственно, *ея время*, переведенное въ мысли: наше же время, наша эпоха есть, по преимуществу, эпоха исканій идеаловъ *субъективныхъ*, нравственныхъ. За нею можетъ послѣдовать новый пышный разцвѣтъ *объективной* дѣятельности человѣчества, но какъ то, такъ и другое одинаково «перенесутся въ исторію,» занявъ въ ней каждое свое почетное мѣсто; и было бы, скорѣе, «заблужденіемъ» — отрицать одно въ угоду другому, — возвышать нравственный прогрессъ, умаляя или вовсе даже отрицая прогрессъ объективной дѣятельности — человѣческую культуру, искусство, науку...

«Исканіе высшаго удовлетворенія, говоритъ Кавелинъ, и изслѣдованіе объективныхъ условій, развиваясь рядомъ, бокъ-о-бокъ, рѣдко совпадали по времени: то одно, то другое опережало и выдвигалось впередъ, приостанавливая и заслоня другое. Эпохи, когда субъективныя психическія потребности стояли на первомъ планѣ, смѣнялись періодами дѣятельныхъ преобразованій, изслѣдованій объективныхъ условій и пренебреженіемъ этическихъ требованій — и на оборотъ...»
(«Зад. этики»).
